

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография представляет собой первый опыт комплексного междисциплинарного историко-лингвистического исследования текстов двух важных памятников дальневосточной эпиграфики XV в. — так называемых Тырских стел 1413 и 1433 гг., происхождение которых связано с внешнеполитической активностью Китая на Дальнем Востоке в раннеминскую эпоху.

Стела 1413 г. была воздвигнута на Тырском утесе в низовьях Амура китайской военной экспедицией под руководством дворцового евнуха Ишихи, направленного правительством династии Мин (1368–1644) для установления политического влияния в регионе. Вместе со стелой был возведен буддийский храм, посвященный бодхисаттве Гуаньинь. Текст на обеих сторонах стелы был высечен на трех языках: китайском, чжурчжэньском и монгольском; кроме того, сбоку на каждой из сторон была выбита буддийская магическая формула *Ом мани падмэ хум* на четырех языках (китайском, монгольском, тибетском и чжурчжэньском).

Через несколько лет храм был разрушен местным населением, для приведения которого к покорности в 1433 г. минский император организовал очередную экспедицию. Экспедиция снова достигла Тырского утеса, восстановила храм и поставила новую стелу с текстом уже только на китайском языке. Однако в связи с удаленностью Приамурья от административных центров минского Китая сохранить политическое присутствие в регионе китайским властям не удалось. В результате второй храм был также разрушен и уже никогда впредь не подвергался восстановлению. Стелы же оставались на своих местах вплоть до конца XIX в., являясь объектом поклонения у местных этнических групп. Они были обнаружены русскими первопроходцами в середине XVII в., однако научное изучение памятников началось только спустя два столетия. В 1891 г. обе стелы были перевезены во Владивосток и переданы в музей Общества изучения Амурского края (ныне Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева). В настоящее время стела 1413 г. (рис. 76–83) выставлена в одном из залов музея, а стела 1433 г. (рис. 107–111) установлена у входа в старое здание музея

им. В. К. Арсеньева (ныне Музейно-выставочный центр) на ул. Петра Великого, д. 6.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тремя факторами:

а) Несмотря на большое количество известных науке средневековых стел с надписями на языках народов Дальнего Востока и Центральной Азии (в основном с территории Китая, Кореи и Монголии), Тырская стела 1413 г. является единственным в мире эпиграфическим памятником, объединяющим тексты на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках. Исключительно важным источником для изучения истории взаимоотношений минского Китая с народами Дальнего Востока выступает и китайский текст стелы 1433 г. Обе они также представляют собой крупнейшие из немногочисленных памятников средневековой дальневосточной эпиграфики, найденных в России. Учитывая сказанное, отсутствие детального монографического исследования стел является серьезным пробелом в области восточной текстологии, который и призвана восполнить настоящая монография.

б) Изучение Тырских стел имеет более чем полуторавековую историю, однако оно затрагивает либо отдельные тексты, либо отдельные аспекты памятников и не носит обобщающего сравнительного характера. Важно подчеркнуть, что в отечественном востоковедении до сих пор не публиковались научные переводы на русский язык монгольского и чжурчжэньского текстов стелы 1413 г., равно как и китайского текста стелы 1433 г., а китайский текст стелы 1413 г. известен лишь в неполных переводах П. С. Попова (1904) и Г. В. Мелихова (1970). В отличие от предшествующих публикаций, в рамках данной монографии представлены результаты комплексного обобщающего исследования всех текстов стел в их сравнении друг с другом, в частности впервые публикуется полный комментированный перевод на русский язык всех текстов стелы 1413 г. и китайского текста стелы 1433 г.

в) Вплоть до настоящего времени вокруг стел создаются разного рода историко-политические спекуляции, обусловленные тем, что в текстах памятников отражены сведения о фактах военного присутствия Китая на Дальнем Востоке до его вхождения в состав России. Такие спекуляции особенно активно использовались в китайской историографии до начала 1990-х гг. как одно из оснований для территориальных претензий Китая на часть территории российского Дальнего Востока. В противоположность этому в монографии делается попытка дать объективный анализ и оценку содержащихся в памятниках исторических свидетельств с учетом общеисторического контекста событий, о которых они сообщают.

С целью работы с текстами Тырских памятников в 2007 г. был организован специальный научный проект с участием исследователей из академических учреждений Санкт-Петербурга, Владивостока и Москвы, специалистов по языкам и истории народов Дальнего Востока — доктора филологических наук А. М. Певнова (Институт лингвистических исследований РАН), кандидатов исторических наук В. Ц. Головачева (Инсти-

тут востоковедения РАН), А. Л. Ивлиева (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), П. О. Рыкина (Институт лингвистических исследований РАН). Исследование выполнялось при финансовой поддержке гранта РГНФ (научно-исследовательский проект «Тырские стелы XV в.: перевод, комментарии, исследование», № 07-04-00235а). Руководителем проекта являлся П. О. Рыкин. Реализация проекта осуществлялась в три этапа, каждый из которых соответствовал одному календарному году. Основные задачи проекта, решавшиеся его участниками в ходе работы, включали в себя новые переводы всех текстов памятников с транслитерацией, транскрипцией, глоссированием, историко-лингвистическими комментариями и индексами, а также сравнительный анализ текстов и очерк истории взаимоотношений минского Китая с народами Приморья с привлечением содержащихся в текстах стел сведений. При реализации проекта был задействован целый комплекс методов текстологии, сравнительно-исторического языкознания, грамматологии и истории. В рамках проекта был проведен полный цикл текстологических исследований: от тщательного изучения внешнего вида памятников и изготовления их фотоснимков до подготовки к публикации результатов их историко-лингвистического анализа. Членами авторского коллектива была выполнена новая реконструкция всех текстов Тырских стел, учитывающая имеющиеся эстампажи и фотографии памятников, а также предшествующие исследования в данной области. Анализ текстов Тырских памятников проводился на основе следующих материалов:

1) Так называемые чанчуньские эстампажи (рис. 114, 117). Они сохранились только в виде фотографий, которые в настоящее время хранятся в библиотеке Академии общественных наук провинции Цзилинь, Чанчунь (吉林省社会科学院 Jilin Academy of Social Sciences). Ранее они принадлежали знаменитому китайскому ученому, специалисту по истории Дальнего Востока Цзинь Юйфу (1887–1962). Местонахождение самих эстампажей неизвестно. По-видимому, они были сделаны китайским исследователем и путешественником Цао Тинцзе в 1885 г. во время его поездки по Дальнему Востоку и Сибири (см. ниже, Введение). Чанчуньские эстампажи отображают только китайские тексты стел 1413 и 1433 гг. Это наиболее ранние и лучшие из всех эстампажей памятников. В настоящей работе фотографии чанчуньских эстампажей публикуются с разрешения руководства Академии общественных наук провинции Цзилинь. Публикация фотографий дается в негативном изображении, что лучше отвечает целям дешифровки текстов памятников.

2) Фотографии из фонда А. М. Позднеева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) (рис. 85–90). Это 6 фотографий размером 17,8 × 23,8 см, которые воспроизводят оборотную сторону Тырской стелы 1413 г. с монгольским и чжурчжэньским текстами. Они были обнаружены летом 2009 г. П. О. Рыкиным в ходе архивных исследований по теме проекта. По-видимому, данные фотографии были сделаны дальневосточным краеведом М. Г. Шевелевым

(1845–1903) в период между 1891 и 1894 гг. и переданы им монголовед-ду А. М. Позднееву (1851–1920). Это самые ранние изображения монгольского и чжурчжэньского текстов стелы 1413 г., которые отличаются довольно высоким качеством и четкостью. В настоящей работе фотографии из фонда А. М. Позднеева публикуются с разрешения дирекции и Совета хранителей Института восточных рукописей РАН.

3) Эстампажи из Хакодатэ (рис. 84, 112). По-видимому, это самые старые из эстампажей Тырских стел, хранящиеся в Японии. Как и чанчуньские эстампажи, они отображают только китайские тексты стел 1413 и 1433 гг. Судя по имеющимся на них штампам, они поступили в Библиотеку Хакодатэ (позднее Библиотека г. Хакодатэ, с 2005 г. — Центральная библиотека г. Хакодатэ) в 1924–1925 гг. На эстампаже китайского текста стелы 1413 г. стоит штамп 函館図書館/藏品/大正14.3.28./寄贈, т. е. «Библиотека Хакодатэ / Коллекция / 14-й год [эры правления] Тайсё; 28 марта (28. 03. 1925. — П. Р.) / Дар». На эстампаже стелы 1433 г. имеется штамп 函館図書館/藏品/大正13.2.1./寄贈, т. е. «Библиотека Хакодатэ / Коллекция / 13-й год [эры правления] Тайсё; 1 февраля (1. 02. 1924. — П. Р.) / Дар». Время изготовления и источник поступления обоих эстампажей в Библиотеку Хакодатэ неизвестны. Эстампажи китайских текстов стел 1413 и 1433 гг. были обнаружены в фондах Центральной библиотеки г. Хакодатэ соответственно в 2007 и 2000 гг. прежним директором Музея г. Хакодатэ (市立函館博物館 Nakodate City Museum) Хасэбэ Кадзухиро и позднее (3. 10. 2007 и 29. 11. 2002) переданы им на хранение в Музей. По своему качеству они уступают чанчуньским эстампам. В настоящей работе фотографии эстампажей из Хакодатэ публикуются с разрешения дирекции Музея г. Хакодатэ.

4) Так называемые киотоские эстампажи (рис. 113, 115, 116). Данные эстампажи включают изображения обеих сторон стелы 1413 г. и текста стелы 1433 г. Они принадлежали известному японскому востоковеду, профессору университета Киото Найто Торадзиро (иначе Найто Конан, 1866–1934) и после его смерти были переданы на хранение в университет Киото. По-видимому, эстампажи были выполнены в 1930 г. по просьбе Найто Торадзиро археологом Уэхарой Суэдзи (1893–1983), который в это время находился во Владивостоке и намеревался предпринять поездку в Ленинград с целью осмотра предметов из раскопок ноин-улинских курганов в Монголии экспедицией П. К. Козлова. По своему качеству они несколько уступают чанчуньским эстампам (китайский текст стелы 1413 г.) и фотографиям из фонда А. М. Позднеева (монгольский и чжурчжэньский тексты стелы 1413 г.), но превосходят эстампажи из Хакодатэ. В настоящей работе фотографии киотоских эстампажей публикуются с разрешения дирекции Института гуманитарных исследований, Университет Киото (京都大学人文科学研究所 Institute for Research in Humanities, Kyoto University). Публикация фотографий дается в негативном изображении¹.

5) Фотографии текстов Тырских стел 1413 и 1433 гг. в их современном состоянии, выполненные в 2008–2009 гг. А. Л. Ивлиевым

(рис. 91–98, 100–106). В силу неудачного расположения стелы 1413 г. в экспозиции Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (она поставлена оборотной стороной прямо к стене зала и прочно вмонтирована в постамент) полное воспроизведение монгольского и чжурчжэньского текстов не представляется возможным, поэтому они были сфотографированы лишь частично, насколько это вообще было возможно. Стела 1433 г. очень сильно выветрилась от времени, вследствие чего произошло полное слияние линий знаков с фоном, которое в настоящее время обуславливает невозможность получения разборчивых изображений текста. По-настоящему полезные результаты были получены только при фотографировании китайского текста стелы 1413 г., изображения которого могли быть сделаны качественно и в нужном объеме. Несмотря на плохую сохранность обоих памятников, которые долгое время находились (а стела 1433 г. находится и сейчас) без навеса под открытым небом, современные фотографии данного текста позволили местами уточнить или исправить ряд чтений, предлагавшихся его предыдущими исследователями (см. комментарии к Гл. 1).

В результате тщательного исследования всех перечисленных материалов были сделаны важные для текстологии памятников выводы. Авторами широко применялся сравнительный анализ текстов стел, который до сих пор практически не применялся при их реконструкции. Итоги исследования в полном объеме представлены в данной работе, которая является первым в мировой науке междисциплинарным обобщающим монографическим исследованием Тырских стел XV в. В силу комплексного характера исследования оно может представлять интерес как для лингвистики (стелы содержат ценный лингвистический материал и являются уникальными свидетельствами языковых контактов на Дальнем Востоке), так и для истории и этнографии (в тексте памятников содержатся важные сведения о политике минского Китая по отношению к народам Нижнего Амура, а также большое число этнических и географических названий).

Разделы монографии написаны следующими авторами:

Предисловие — *П. О. Рыкин*;

Введение — *А. Л. Ивлиев, П. О. Рыкин* (раздел 1), *В. Ц. Головачев* (раздел 2);

Глава 1 — *А. Л. Ивлиев*;

Глава 2 — *П. О. Рыкин*;

Глава 3 — *А. М. Певнов*;

Глава 4 — *В. Ц. Головачев*;

Заключение — *П. О. Рыкин*.

По причине того, что первый раздел Введения составлен двумя авторами, в комментариях к нему они обозначаются инициалами (*А. И.* — *А. Л. Ивлиев, П. Р.* — *П. О. Рыкин*). В остальных разделах монографии все комментарии принадлежат автору основного текста, за исключением главы 1, где отдельные комментарии или части комментариев написаны *П. О. Рыкиным* (они также обозначены инициалами *П. Р.*).

Авторский коллектив выражает глубокую благодарность всем, кто оказал помощь в работе над монографией. Особо хочется поблагодарить директора Приморского государственного объединенного музея, кандидата исторических наук В. Н. Соколова за любезное разрешение обследовать и фотографировать памятники; кандидата исторических наук Н. Г. Артемьеву за разрешение использовать фотографии и материалы из книги А. Р. Артемьева, посвященной истории открытия и археологическому изучению Тырских памятников; руководство Академии общественных наук провинции Цзилинь (吉林省社会科学院 Jilin Academy of Social Sciences) и лично профессора Ян Яна (Институт истории Академии общественных наук провинции Цзилинь, Чанчунь) за разрешение на публикацию так называемых чанчуньских эстампажей обеих Тырских стел; дирекцию Института гуманитарных исследований, Университет Киото (京都大学人文科学研究所 Institute for Research in Humanities, Kyoto University), за разрешение на публикацию так называемых киотских эстампажей Тырских стел; дирекцию Музея г. Хакодате (市立函館博物館 Nakodate City Museum) за разрешение на публикацию принадлежащих Музею эстампажей из Хакодате; дирекцию и Совет хранителей Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) за разрешение на публикацию фотографий монгольского и чжурчжэньского текстов стелы 1413 г. из фонда А. М. Позднеева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН; профессора Накамуру Кадзуюки (Политехнический колледж г. Хакодате), который любезно взял на себя роль посредника в переговорах с японскими и китайскими учреждениями науки и культуры по поводу публикации эстампажей памятников, сообщил важные сведения о происхождении данных эстампажей, а также оказывал значительную помощь и поддержку на всех этапах работы над монографией. Без неопределимого содействия этих и многих других лиц настоящая монография едва ли смогла бы увидеть свет.

---

¹ Информация о происхождении эстампажей из Хакодате, чанчуньских и киотских эстампажей любезно предоставлена профессором Накамурой Кадзуюки (Политехнический колледж г. Хакодате).

ВВЕДЕНИЕ

1. История исследований Тырских памятников

Поставленные в низовьях Амура на высоком утесе в районе современного села Тыр (рис. 1–9) минскими экспедициями во главе с евнухом Ишихой каменные стелы в честь строительства и восстановления храма Юннинсы более двух столетий пребывали в полном забвении, оставаясь величественными, но немymi свидетелями прошлого. Заслуга их обнаружения и первого описания принадлежит русским казакам-первопроходцам, осваивавшим гигантские просторы Сибири и Дальнего Востока в середине XVII в. Сведения об этом нашли отражение в труде знаменитого русского писателя и переводчика, посла России в Китай в 1675–1678 гг. Н. Г. Спафария (1636–1708). В своем «Описании первая части вселенная, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями» Н. Г. Спафарий приводит рассказ о реке Амур и путях плавания по нему на Японские острова и в Китай:

А казаки наши, которые прежде 20 лет до сего воевали с китайцами на Амуре и на усть-Амура, сказывают, что от устья Амура плыти два дни, где есть место во утесе акибы копано, и на том месте нашли колокол китайский повешен более 21 пудов, и тут нашли в трех местах китайское письмо в каменных скрижалех, и иноземцы сказывали нашим казакам, что в древних местах некоторой царь китайской ходил из Китай по морю на Амур, и тут для признаку и воспоминанию покинул то место и колокол [Спафарий 1910: 68–69].

По мнению А. П. Окладникова, информантами Н. Г. Спафария могли выступать казаки из отрядов Петра Бекетова и Онуфрия Степанова, в 1655 г. воевавших с маньчжурами на Амуре и выдержавших осаду 10-тысячного отряда маньчжурских войск в Кумарском остроге, а затем проплывших вниз по Амуру в «гиляцкую землю» [Окладников 1955: 342]. Это мнение было в целом поддержано А. Р. Артемьевым, который, однако же, не исключал возможности более раннего знакомства русских казаков с древностями Тырского утеса. Зимой 1651–1652 гг. в низовьях Амура действовал отряд Ерофея Хабарова, а летом 1652 г. — группа

отделившихся от него казаков, которые объявили о неподчинении Хабарову. В конце 1653 г. «дело Хабарова» разбиралось в Москве, и связанные с ним документы и материалы могли быть привлечены Спафарием для подготовки к длительному путешествию на Восток [Артемьев 2005: 10].

В 1692 г. была опубликована монументальная книга амстердамского бургомистра Н. Витсена (1641–1717) «Северная и Восточная Тартария», в которой упоминается об открытии русскими Тырских памятников:

Рассказывают, как около 30–40 лет назад русские воины, примерно в двух днях пути к югу от устья *Амура*, на берегу моря нашли на перепаханном месте большой колокол, весом больше 660 голландских фунтов. Рядом лежало несколько камней с высеченными на них синскими (китайскими. — *П. Р.*) письменами. Туземцы говорят, что в древние времена некий *синский* император прибыл к *Амуру* морским путем, и он оставил там колокол и записи на камнях как памятник [Витсен 2010/I: 906; текст см.: Witsen 1692/II: 29b–30a].

Почти дословное совпадение этого рассказа с сообщением Спафария заставляет предполагать, что именно работа последнего послужила Витсену источником приведенных выше сведений (см. [Артемьев 2005: 11]). Одинаковые указания на расстояние (два дня пути от устья Амура), внешний вид местности («перепаханное» место / «место... акибы копанно»), состав находок (большой колокол; камни с китайскими письменами), наличие одного и того же фольклорного сюжета (легенды о морском путешествии на Амур какого-то китайского императора, с которым связываются находки) не оставляют сомнений в том, что Н. Витсен заимствовал эти сведения из труда Спафария, благодаря которому, таким образом, Европа впервые узнала о существовании Тырских древностей.

Отзвуком важного открытия, сделанного русскими первооткрывателями Амурского края, по-видимому, может считаться надпись, помещенная на «Чертеже всех сибирских градов и земель» близ устья Амура в «Чертежной книге Сибири» первого сибирского картографа С. У. Ремезова (1642–после 1720), публикация которой относится к 1699–1701 гг. (рис. 10). Надпись гласит:

До сего места црѣь Александръ Македонской доходил труп[ь]е спржал и колокол оставил лудмы [Ремезов 1882: л. 236].

Упоминание о колоколе в данной надписи находит прямую параллель в рассказе Н. Г. Спафария (и Н. Витсена), однако вместо китайского императора главным действующим лицом назван Александр Македонский. Замена эта весьма примечательна и обусловлена, видимо, чисто политическими причинами: в эпоху напряженных отношений и территориальных споров между Россией и маньчжурским Китаем за земли в Приамурье русским важно было идеологически обосновать свое присутствие на спорной территории, и для этого была создана специальная версия рассказа об амурских древностях, отсылающая к хорошо известной в московской Руси легенде о «даре» Александра Македонского славянам на право владения занимаемыми ими землями [Артемьев 2005:

11–12]. Вместе с тем это показывает, что степень знакомства русских людей с известиями о находке древних памятников на Амуре уже в конце XVII в. была достаточно велика, иначе не имело бы смысла создавать на основе этих известий новую версию популярной легенды.

С середины XVII в. сведения о стелах на Тырском утесе появляются и в Китае. Живший в годы правления Канси (1662–1722) Ян Бинь из провинции Чжэцзян ездил к своему сосланному отцу в Нингуту и по возвращении написал сочинение *柳邊紀略 Любянь цзилюэ* «Очерки об Ивовом палисаде», которое представляет собой собрание самых разнообразных сведений о Маньчжурии и смежных с ней территориях. В этом сочинении впервые сообщается о содержании текстов Тырских памятников. Ян Бинь писал:

В год 己巳 *цзисы* (1689 г. — *А. И.*) сообщили о стеле у 飛牙咯 *фэйякэ*, она написана изначально китайскими письменами и переведена на маньчжурский, [видевшие ее] не смогли записать ее основное содержание. Место, где она находится, называется 二崗國 *Эрганго*. После десяти лет обучения и воспитания поставили эту стелу. В конце текста написаны имена охранителя (鎮守 *чжэньшоу*) владения 東唐國 *Дунтанго* Мань Чжуншаня, полководца (將軍 *цзянцзюнь*) Ма Юаньляна, также есть имя помощника командующего войсками провинции [Ян Бинь 1985: цз. 4, лл. 5–6].

Китайские ученые Чжун Миньянь, Насэньбо и Цзинь Цицун утверждают, что эта запись сообщает о Тырских стелах. В пользу этого они приводят следующие доводы. Во-первых, упомянутые в тексте *фэйякэ* — это маньчжурское название 吉列迷 *цзилеми*, или гиляков (нивхов), центром обитания которых был Тыр в низовьях Амура. Поэтому «стела у *фэйякэ*» — это стела, находящаяся в месте, где жили *фэйякэ*, т. е. в районе Тыра. На это же указывает и название места, где она находилась, — *Эрганго*, очень созвучное упоминаемой в Тырских стелах Нургани (кит. 奴兒干國 *Нуэрганьго*), только без первого знака 奴 *ну*. «Поскольку описанная Ян Бинем стела стояла в районе обитания *фэйякэ* и это место также называлось *Эрганго*, нет никаких сомнений, что это стела храма Юннинсы в Нургани» [КМ 35]. Во-вторых, они находят совпадения между изложением Ян Биня и текстом стелы о постройке храма Юннинсы. Так, они считают, что фраза «После десяти лет обучения и воспитания поставили эту стелу» соответствует общему содержанию текста стелы о постройке храма Юннинсы, начиная с предложения «Зимой 10-го года Сын Неба вновь велел придворному евнуху Ишихе и другим еще раз прибыть в их страну...» и заканчивая словами «поэтому запечатлели это в письменах...». Другое совпадение отмечается между выражениями «помощник командующего войсками провинции» (都指揮同知官 *дучжихуй тунчжи гуань*) у Ян Биня и «помощник командующего войсками Нурганьского управления Кан Ван» (奴兒干都司都指揮同知官康旺 *Нуэргань дусы дучжихуй тунчжи Кан Ван*) в тексте стелы [Ibid.]. Действительно, приведенные доводы убедительны, хотя в целом описание стелы у Ян Биня содержит много неточностей и искажений и не все китайские исследователи согласны с отождествлением стелы из сочинения Ян Биня с Тырской¹.

Также следует отметить, что Тырские стелы изображены на «Карте впадения в море реки Хуэрха», составленной на маньчжурском языке. Это карта водного пути от среднего течения реки Муданьцзян (ее старинное название Хурха) до устья Амура. На ее 19-м листе, где показан высокий обрывистый правый берег Амура, против устья Амгуни изображены две стелы, а поблизости от них — квадратное городище. На основании некоторых особенностей карты, в частности того, что на ней изображен старый город Нингута на южном берегу р. Хайланьцзян и нет нового, построенного в 1666 г. города в долине Хурхи, Цзюй Дэюань датирует эту карту примерно 1653 г. [Цзюй Дэюань 1980: 66–69].

По Нерчинскому договору от 27 августа (6 сентября) 1689 г. Россия вынуждена была уступить Приамурский край Китаю, лишившись таким образом значительной части своих приобретений в Восточной Сибири за предыдущие полвека. Хотя сам договор устанавливал точную границу российских и китайских владений только на западе Приамурья, его подписание на долгие годы положило конец активному освоению русскими берегов великой сибирской реки. Лишь в середине XIX в. Российская империя возвращает себе политический контроль над регионом, право на обладание которым было официально закреплено за ней Айгунским (1858) и Пекинским (1860) трактатами. Фактически же окончательное решение Амурского вопроса в пользу России произошло на несколько лет раньше и было связано с деятельностью известного флотоводца и исследователя адмирала Г. И. Невельского (1813–1876), который первым поднял русский флаг над Сахалином и Приамурьем. Благодаря Г. И. Невельскому состоялось и новое открытие Тырских памятников, которые после ухода России с берегов Амура на полтора столетия были преданы забвению. 12 июля 1850 г., выйдя из Петровского зимовья на шлюпке с шестью матросами и двумя переводчиками-тунгусами, Невельский достиг селения Тыр на расстоянии около 100 верст (106 км) от устья Амура, где состоялась его встреча с местным населением, и объявил прилегающие земли собственностью Российской империи [Невельский 1947: 119–121]. Примечательно, что к рапорту генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева императору Николаю I от 27 ноября 1850 г., извещающему об этом важном событии, был приложен «рисунок найденных Невельским древних столбов», под которыми, без сомнения, имелись в виду Тырские памятники [Артемьев 2005: 12].

Еще в начале XIX в. стелы на Тырском утесе видел, проплывая мимо в 1809 г., японский путешественник Мамия Риндзō [Мамия Риндзō 1942: 50]. Однако Мамия не сходил на берег в Тыре, ему не было известно, имелись ли на стелах надписи. Систематическое научное исследование памятников стало возможным только после их вторичного открытия Г. И. Невельским. Первые шаги в этом направлении также были сделаны русскими учеными. Летом 1854 г. Тырские древности обследовал член-сотрудник Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества Г. М. Пермикин (1813–1879). В составе специальной научной экспедиции, главной целью которой было геологическое

исследование береговых пород, он совершил плавание вниз по Амуру вплоть до впадения реки в Татарский пролив. Достигнув деревни Тыр, члены экспедиции получили от местного гиляцкого (нивхского) населения сведения о том, что в одной версте от деревни на правом берегу Амура находятся какие-то каменные памятники. Заинтересовавшись этими сведениями, Г. М. Пермикин принял решение лично осмотреть достопримечательности. Вот как он сам рассказывает о своем знакомстве с памятниками в «Путевом журнале», составленном им по результатам экспедиции и содержащим первое в мировой науке подробное описание Тырских древностей:

24 июня большой дождь препятствовал мне пуститься рано в путь; но в 8 часов утра небо прояснилось, и я, на гилякской лодке, с четырьмя Гиляками, отправился для осмотра памятников. В расстоянии не более одной версты от деревни Тыр, огромный отвесный утес выдвинулся к реке, и на открытой вершущке его, к удивлению моему, я, действительно, увидел замечательные древние памятники. Первый из них, вышиною в два аршина, поставлен в двух шагах от речного обрыва; подножие его сделано из гранита, а верх — из сераго мелкозернистаго мрамора. Памятник состоит из неправильного квадрата, несколько округленного сверху: на двух из широких его сторон высечены по четыре буквы, под которыми помещены мелкия письмена столбцами; на боковых сторонах камня также высечены буквы в два столбца.

Второй памятник от первого мраморнаго камня лежит в четырех шагах, а от обрыва речнаго — в одном. Повидимому, он сделан из трех составных частей: восьмиугольнаго пьедестала и двух колонн, одна над другою, скрепленных между собою стержнем. Время, а может-быть и люди уничтожили верхнюю часть колонны, и она обрушилась в реку, впрочем, есть между жителями предание, что когда Русские в первыя времена проходили, то сбросили эти памятники, но Маньчжуры опять их возобновили. Камень этот сделан из порфира, и письмен на нем никаких нет.

От этой колонны в пяти шагах находится третий памятник, несколько похожий на первый и по величине ему равный. Он высечен из мелкозернистаго сераго гранита, с основанием несколько расширенным; на широкой стороне, обращенной к Амуру, находятся письмена. Далее, во 150 сажнях от этих памятников, на узком мысу, отвесно опустившемся к реке, стоит восьмиугольная колонна, несколько похожая на второй памятник. Колонна эта также состоит из трех частей, довольно резко отделяющихся друг от друга. Верхняя изображает собою как бы урну; но письмен на ней никаких нет [Пермикин 1856: 68].

Первый и третий из памятников, которые видел Пермикин, представляли собой две Тырские стелы соответственно 1413 и 1433 гг., а колонны — остатки некогда существовавшего на Тырском утесе буддийского храма в честь бодхисаттвы Гуаньинь. Исследователь тщательно зарисовал все увиденные им памятники (рис. 11–14), а по приезде в Иркутск передал рисунки своему коллеге по экспедиции Сычевскому². Исследовав надписи на стелах по рисункам Пермикина, Сычевский сделал вывод (как мы теперь знаем, неверный) об их принадлежности к эпохе монгольской династии Юань в Китае, а также установил, что надписи

на стелах высечены древнетибетскими и монгольскими буквами и заключают в себе молитвы «ламайского верования» [Там же: 69–70]. Открытие на первой стеле других текстов, кроме китайского, — в их числе и монгольского текста, — знаменовало собой значительный прогресс по сравнению с данными Спафария и Витсена, согласно которым на памятниках имелись только «китайские письмена». Кроме того, благодаря Г. М. Пермикину до нас дошли изображения не сохранившихся колонн (рис. 12, 14). Уже через два с лишним года посетивший Тыр официальный художник Сибирской экспедиции академик живописи Е. Е. Мейер не застал там часть колонны, лежавшую между двух стел [Мейер 2000; Артемьев 2005: 13].

В июле 1857 г. Тырские памятники посетил американский торговый агент П. М. Коллинз (1813–1900), первым из американцев совершивший плавание по Амуру и составивший по результатам поездки отчет в Государственный департамент, где подчеркивалась большая значимость Амура для американской торговли в Азии. Путешественник подробно описал свои впечатления от знакомства с памятниками:

Вторник, 7 июля... В 12 ч. дня мы приплыли к скалистому выступу на правом берегу, в 130 милях выше Николаевского, где можно видеть древние каменные памятники, напоминающие о татарском владычестве в этих краях несколько веков тому назад. Утес круто возвышается над берегом, который образует красивую маленькую песчаную косу между двумя оконечностями выступающего мыса, и достигает в высоту ста футов. На его вершине находится протяженное плато, покрытое дубами, тополями и елями, с богатым травяным покровом, множеством цветов и кустарников. Высадившись на косе и поднявшись наверх по крутой и узкой тропинке, мы оказались на вершине. В самой западной ее точке находятся два памятника, а примерно в 400 ярдах к востоку, на более возвышенном месте, на голой скале стоит третий. Сам утес обращен к югу.

[...] На плато, позади двух вышеназванных памятников, находятся несколько углублений или ям, которые расположены внутри и снаружи остатков стены или обрушившихся руин большой постройки — эти остатки теперь выдаются на 6–10 футов над поверхностью земли. Рядом с этими памятниками можно видеть несколько камней подквадратной формы с пересекающим их поверхность желобком глубиной в дюйм. По-видимому, они представляли собой жертвенные алтари, а желобки служили для отвода крови жертвы в соответствующий сосуд. Эти алтари, без сомнения, некогда были приподняты и находились внутри храма.

Земля была обильно покрыта дерном, на котором повсюду росло много растений и цветов. Одна большая сосна, пережившая причиненные пожаром опустошения, еще заметные в близлежащем лесу, была срублена служащими русской почтовой станции на дрова или с какой-то иной целью. Мы посчитали это осквернением священной горы. Между первыми двумя памятниками в землю были воткнуты два столба высотой 40 футов, обтесанные и очищенные от коры, которая осталась только у верхушки. Наверху находились несколько веток, украшенных венками и связанных лозой или корой. Над памятниками были повешены гирлянды из изящно выделанного лыка или луба какого-то дерева, через определенные промежутки перевязанные ивовыми прутьями. Основания памятников и жер-

твенные алтари были также украшены древесными стружками в виде цветов, глубоко посаженными в землю. На сильно выступающей вперед оконечности утеса несколько расколотых, покрытых мхом камней указывали на остатки другого памятника; здесь также руками набожных почитателей были выложены древесные цветы. Эти результаты благочестивой заботы о древних остатках прежнего монгольского владычества определенно были религиозными приношениями местных туземцев, которые имеют об этом месте и его старинном назначении живые предания, священные и устойчивые, и с этим, без сомнения, были связаны ежегодные приношения, по-видимому, сопровождавшиеся жертвоприношением животного для умиловления духа местности [Collins 1860: 294–295].

Таким образом, П. М. Коллинз наряду с Тырскими стелами описал и руины здания и каменные базы вблизи них. Фактически, как отмечает А. Р. Артемьев, это были остатки храма 1433 г. [Артемьев 2005: 13]. Однако Коллинз принял каменные базы колонн за алтари-жертвенники с желобками для стока крови, которые некогда стояли в храме на возвышенности. Он же впервые описал внешние признаки почитания памятников местными жителями — сооруженное между стелами святилище из двух врытых в землю столбов и привязанных к ним веток, а также украшения на самих стелах в виде гирлянд из искусно обработанного лыка или луба над ними и в виде выложенных из древесных стружек цветов у их основания. Вместе с тем американский путешественник ошибочно отнес памятники к эпохе «татарского владычества», даже назвав скалу, на которой они находились, «утесом Чингисхана» [Collins 1860: 303].

Вскоре после завершения экспедиции Г. М. Пермикина сделанные им рисунки надписей на Тырских стелах попадают в руки известного востоковеда, знатока нескольких восточных языков, участника Русской духовной миссии в Пекине архимандрита Аввакума (Д. С. Честного) (1801–1866). В 1856 г. он публикует опыт толкования текстов обоих памятников, подтвердив существование на первой стеле не только китайской, но и монгольской надписи, которые из-за «неправильного расположения слов» он посчитал продуктом творчества какого-то малограмотного монгольского ламы [Аввакум 1856: 78]. Низкое качество снятых Г. М. Пермикиным копий позволило ему разобрать лишь часть названия китайского текста — 永寧寺記 *Юн-нин-сы-цзи* ‘Запись о кумирне (или монастыре) вечного спокойствия’, а также буддийскую молитвенную формулу *Ом мани падме хум*, выбитую тибетскими, китайскими и уйгурскими (т. е. уйгуро-монгольскими) письменами на боковой грани памятника. Аввакум не смог определить наличие на стеле 1413 г. чжурчжэньского текста, но это объясняется практически полным незнанием европейской наукой середины XIX в. чжурчжэньского языка и письменности. Небольшая статья Аввакума содержит и первую в своем роде характеристику монгольского текста памятника, точнее говоря, заголовка монгольского и чжурчжэньского текстов, написанного крупными знаками уйгуро-монгольского письма в верхней части памятника на его оборотной стороне над обоими текстами:

В монгольской надписи, состоящей также из четырех слов, написанных на камне вертикально, первое слово от левой руки разобрать трудно. Оно, конечно, должно соответствовать первому китайскому слову *цзи* (*помнить, вспоминать; записывать для памяти; памятная запись* и т. д.); но, судя по его начертанию, нельзя указать прямо на какое-нибудь монгольское слово, которое имело бы подобное значение. Предоставляя честь истолкования его знатокам монгольского языка, я скажу только о трех остальных словах, что и они написаны не совсем ясно и, без пособия китайской надписи, не могли бы быть правильно разобраны и истолкованы. Эти слова суть следующие: *Юн-нин-сумэ*; первые два слова китайские, оставленные без перевода, последнее монгольское, которое значит: *капище, кумирня*. Все три слова вместе будут значить: *капище юн-нин* (т. е. вечного спокойствия) [Аввакум 1856: 78–79].

Наблюдения архимандрита Аввакума нужно признать справедливыми, за исключением того, что они относятся не ко всей монгольской надписи, а только к ее заголовку; кроме того, первым словом, которое исследователь не смог разобрать, является не монгольский эквивалент кит. 記 *цзи*, а топоним *nurgel*, соответствующий 奴兒干 *Нуэргань* в китайском тексте. Не лишено ошибок и сделанное им толкование китайской надписи, в частности чтение фразы *Дай-юань-шоу-чжи-ли-гун-бу* ‘Власть великой юаньской династии повсюду распространяется!’. На самом деле такая фраза в тексте отсутствует, и ее появление связано, скорее всего, с ошибкой, которая была допущена Г. М. Пермикиным при копировании надписи.

Несмотря на небольшой объем статьи архимандрита Аввакума, она вызвала большой интерес в научном мире и была практически сразу переведена на английский [Collins 1860: 298–300] и французский [Sabir 1861: ch. 5] языки. Долгое время она оставалась единственным источником сведений о содержании Тырских надписей, поскольку непосредственный анализ самих памятников был затруднен вследствие их труднодоступности и отдаленности от научных центров. Датировка обеих стел юаньским периодом, которая была осуществлена Сычевским и Аввакумом на основе неверного прочтения ряда иероглифов, сохранялась вплоть до начала 1890-х гг. и получила отражение в таких справочных изданиях, как «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А. Кириллова [Кириллов 1894: 440а–441а] и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» [ЭСБЕ 34 (67): 2696].

Впервые правильная датировка памятников была предложена Цао Тинцзе, в 1885 г. направленным цинскими властями с разведывательной миссией на Дальний Восток России. Цао Тинцзе побывал в Тыре (Тэлинь) и — также впервые — снял со стел эстампажи. В своем сочинении «Важнейшие сведения о Восточной Сибири» [Цао Тинцзе 1985а; 1985б] он сообщает об этом обследовании:

На восточном берегу Хуньтунцзяна³ в местечке Тэлинь есть скала, стеной стоящая у реки, по форме похожая на сторожевую башню на стене. Ее высота — в 10 с лишним 丈 *чжанов*. Наверху есть две минские стелы. На одной высечено: «О строительстве по высочайшему повелению храма Юн-

нинсы (Вечного покоя)», на другой — «О повторном строительстве храма Юннинсы в 6-м году Сюань-дэ»⁴. Обе стелы повествуют о том, как старший дворцовый евнух Ишиха покорил [земли] Нуэрганьского моря и морских *苦夷 куи*. Во всех сочинениях утверждается, что самые крайние северо-восточные пограничные крепости Мин были в Телине и Кайюани, ныне эти две стелы доказывают, что те утверждения совершенно безосновательны. С почтением сделал по частям эстампы с каждой из стел.

Ныне основание храма Юннинсы перестроено русскими в ламаистский храм (喇嘛廟 *лама мяо*)⁵, две стелы все еще величественно возвышаются в ста с лишним шагах на юго-запад от него. За храмом, в 20 с лишним шагах на восток, в горной ложбине есть батарея из трех орудий, они обращены на юг и перекрывают Хуньтунцзян. Имеются окопы. На северо-запад от храма, примерно в 100 шагах, есть земляной вал и двойной ров окружностью в несколько сотен шагов. В центре находится земляная платформа. Тоже похоже на основание артиллерийской батареи... Когда я снимал эстампы со стел, рядом [за моей работой] наблюдали священник Пулагопи (喇嘛鋪拉果皮 Прокопий? — *А. И.*) и 6–7 туземцев 濟勒彌 *цзилеми*. Все говорили, что эти стелы поставлены несколько сот лет назад Великим государством, когда оно усмирило 羅刹 *лоча* (русских. — *А. И.*). Туземцы считали [эти стелы] давно известным чудом, а священник ругал их [Цао Тинцзе 1985а: 2279–2280; 1985б: 99–101].

Цао Тинцзе оставил еще одно интересное наблюдение о наличии средневекового городища недалеко от Тырских стел:

От тэлиньского ламаистского храма на северо-запад, под горой, на расстоянии более 1 里 *ли* вдоль реки есть скала высотой несколько 丈 *чжанов*, ее вершина ровная и просторная. [На скале] есть основания стен древнего города окружностью около 2–3 *ли*, следы улиц сохранились в точности, как они были когда-то. Также много черепицы и камней. Сейчас это место скрыто лесом; не продираясь сквозь заросли и не притаптывая колючие кусты, невозможно познать [этот город] досконально [Цао Тинцзе 1985а: 2280; 1985б: 101].

Какая часть самого текста стел, Цао Тинцзе отмечает, что на обратной стороне стелы о строительстве храма Юннинсы имеются два разных вида письменности, а на боковых гранях ее — еще четыре вида письменности. Из них, как он пишет, удалось понять только шесть иероглифов китайского текста 唵嘛呢叭彌吽 *Ань-ма-ни-ба-ми-хун*⁷, остальные пять видов письменности разобрать не было возможности. Впоследствии было установлено, что в действительности на стеле имеются тексты на четырех языках. Пытаясь объяснить появление надписей на нескольких языках на стеле, Цао Тинцзе предположил, что они могли быть нанесены маньчжурскими экспедициями по демаркации границы с Россией времен Канси, о которых писалось в упомянутом выше сочинении Ян Биня [Цао Тинцзе 1985в: 2255]. Материалы по стелам, собранные Цао Тинцзе, были включены в изданное в 1891 г. «Общее описание провинции Цзилинь» (吉林通志 *Цзилинь тунчжи*), что стимулировало изучение текстов этих стел в Китае и Японии.

Новый этап в изучении памятников начинается после 1891 г., когда обе стелы на транспорте «Байкал» были перевезены во Владивосток

и переданы в музей Общества изучения Амурского края (ныне Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева). Решающую роль на этом этапе сыграла деятельность М. Г. Шевелева (1845–1903) — купца, известного краеведа, мецената и знатока Китая, основателя первого русского морского пароходства на Дальнем Востоке. Именно благодаря его усилиям была организована перевозка стел во Владивосток. Убедившись в том, что существующие способы копирования надписей не дают желаемых результатов, он изобрел новый, свой собственный способ, существенно облегчающий их дешифровку. По словам знаменитого востоковеда академика В. П. Васильева (1818–1900),

г. Шевелев покрыл памятник белилами и когда они впитались и засохли, он стер их катком с поверхности, так что остались уцелевшими только иероглифы [Васильев 1896: 365, примеч. 1].

После этого с надписей были сделаны новые качественные фотографии, которые М. Г. Шевелев разослал разным специалистам для прочтения. Одним из этих специалистов был сам В. П. Васильев, который признал, что придуманный Шевелевым способ позволяет значительно продвинуться в чтении текстов стел:

Хотя некоторые места и остаются неразобранными, но все же можно уже определить главное содержание [Там же: 365].

Кроме В. П. Васильева, снимки получили, в частности, английский синолог, лингвист и религиовед Дж. Эдкинс (1823–1905) и другие члены Китайского отдела Королевского Азиатского общества в Шанхае, один из которых, пожелавший остаться неизвестным, опубликовал в шанхайской газете *North China Herald* (21 декабря 1894 г.) специальную статью о китайских надписях на стелах. Занимался расшифровкой текстов и сам М. Г. Шевелев, прекрасно знавший китайский язык, совместно с сотрудником китайского посольства в Петербурге г. Ли [Панов 1895]. Полученные в ходе анализа надписей результаты позволили сделать несколько важных открытий. Одно из них заключалось в том, что на первой стеле наряду с китайским и монгольским текстами имеется еще надпись на чжурчжэньском языке, который в то время только начинал привлекать к себе серьезное внимание европейских ученых [Васильев 1896: 367; Grube 1896a; ср. также: Schlegel 1897]. Второе открытие было связано с уточнением датировки памятников, которые, как говорилось выше, в российской и европейской науке было принято относить к эпохе Юаньской династии. Выяснилось, что на самом деле обе стелы были поставлены в начале династии Мин, первая в 1413 г., а вторая — в 1433 г. [Панов 1895; Васильев 1896: 365–366].

Первый опыт дешифровки китайских текстов памятников, точнее говоря, более или менее подробный пересказ их содержания, был опубликован в 1895 г. редактором газеты «Дальний Восток» В. А. Пановым (1854–1922) [Панов 1895], через год краткое изложение этих же текстов опубликовал В. П. Васильев [Васильев 1896], а уже в 1904 г. появился первый сокращенный русский перевод китайской надписи на стеле 1413 г.,

выполненный известным китаеведом, членом-корреспондентом Императорской Академии наук П. С. Поповым (1842–1913) [Попов 1904а: 014–016]. П. С. Попов тоже использовал фотографии китайского текста, полученные от М. Г. Шевелева, и при разборе текста прибегал к помощи китайского археолога и дипломата Юань Чана. Сравнение восстановленного им по фотографиям текста с опубликованным в *Цзилинь тунчжи* на основе эстампов Цао Тинцзе показало, что последний обладает гораздо большим количеством пробелов, на отдельных страницах из 200 иероглифов сохранилось только 30–34 [Там же: 014]. При переводе П. С. Попов сопоставлял китайский текст с «переводом» монгольского текста А. М. Позднеева (о нем см. ниже), восполняя таким образом пробелы и указывая на несоответствия в переводе с монгольского. В переводе П. С. Попова был опущен длинный список лиц, названных в заключительных строках китайского текста; они характеризуются отдельно в самых общих чертах [Там же: 016]. Что касается текста стелы 1433 г. «О повторном строительстве храма Юннинсы», то П. С. Попов дает его лишь в виде извлечений из публикации в *Цзилинь тунчжи*. Причиной этому послужило то, что

отсутствие в приводимом (в этой публикации. — П. Р.) тексте большей половины знаков делает полный перевод его совершенно невозможным и потому ... приходится ограничиться передачей тех фактов, которые еще могут быть до известной степени поняты из оставшихся на памятнике китайских знаков [Там же].

Также основываясь на сведениях *Цзилинь тунчжи*, где утверждается, что на первой стеле, кроме китайских, были только монгольские письмена, а на обороте и боковых сторонах второй стелы были монгольские надписи, П. С. Попов высказывает сомнение в наличии чжурчжэньского текста на первой стеле [Там же: 019]. Эти сомнения развеиваются помещенной в том же номере «Записок Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества» запиской, присланной профессором П. Шмидтом, осмотревшим стелу во Владивостоке и убедившимся в наличии чжурчжэньской надписи на ней [Попов 1904б].

Среди тех специалистов, кто получил в свое распоряжение фотографии М. Г. Шевелева, был и крупный российский монголовед А. М. Позднеев (1851–1920), который стал первым исследователем, уделившим специальное внимание монгольскому тексту стелы 1413 г. В третьем томе своих «Лекций по истории монгольской литературы», опубликованном во Владивостоке в 1908 г., А. М. Позднеев дал ему краткую характеристику, справедливо указав, что монгольский текст состоит из 15 строк и изображен «буквами уйгурского письма», т. е. уйгуро-монгольского алфавита [Позднеев 1908: 70]. Подчеркивая плохую степень сохранности стелы, А. М. Позднеев писал:

Памятник, несомненно, очень пострадал от времени, что, при неудовлетворительности фотографии, буквально лишило меня возможности прочитать его целиком [Там же: 71].

Однако, несмотря на этот неутешительный вывод, исследователь счел возможным сделать свой собственный перевод монгольской надписи, который занимает основную часть раздела о Тырской стеле в его монографии:

Как подумаешь, от начала мира основными качествами неба были высота и свет, а потому ему свойственно покрывать (вселенную); основными качествами земли были обширность и плотность, а потому ей свойственно поддерживать (все, находящееся на ней); основными качествами мудрого (святого) мужа было — проявлять мудрость, а потому ему свойственно как доставлять радость ближним, так равно благотворить и помогать всем отдаленным. С тех пор, как наша династия сокупила во-едино обитателей собственного Китая, не прошло еще и 50 лет, а между тем девять инородцев и восемь маней (т. е. все инородцы) проходят через горы, переплывают через моря, плечо о плечо и наступая друг другу на пятки, преклоняют голову у подножия трона. Дня не проходит... .. чтобы их останавливали жар или холод.

Эта область Нурхань, путь в которую пролегает через три инородческие земли..... Сартагул, ... лу и Монгол..... Тамшний народ во все человеческие династии (= никогда) не мог достигнуть любви к просвещению. Притом, земля их не родит пяти родов хлеба, не производит холста и материй, а содержит только собак да диких оленей... .. Люди занимаются ловлей рыбы, питаются мясом и одеваются в звериные шкуры, любят упражняться в стрельбе из луков и стрел; бедности в пище нельзя и выразить на словах..... послал чиновника в эту страну..... донес.... Весною 9-го года правления Юн-ло был нарочно командирован придворный чиновник Ишиха с 1000 слишком человек правительственного войска, на 55 больших лодках, с тем, чтобы достигнуть этой их области, учредить в ней ду-сы (губернаторство) Нургань..... возстановить старые деяния Ляоской и Цзиньской династий..... Вследствие.... двор..... ду-сы.... и .... люди.... пожаловал платьем, пищей, печатями.... запад.... поставил кумирню.... приготовил угощение..... предоставил собственному управлению..... Зимой 10-го года правления Юн-ло снова командировали придворного сановника (ᠶᠢᠰᠢᠬᠠ) Ишиха с богатыми подарками в это государство..... на запад от моря до Нургань а равно и за морем пожаловал всем как мужчинам, так и женщинам награды платьем, хозяйственными принадлежностями, дал хлеба и пшеницы, угостил вином и яствами.... радовались..... не было никого, противящегося просвещению и не поддававшегося..... Золото (Цзиньская династия?).... избрала место, воздвигла эту..... смягчила и просветила этот народ, научив его почтительности и покорности..... Осенью 11-го года правления Юн-ло.... на запад от Нургань находится станция Мун-цзинь (ᠮᠤᠨᠴᠢᠨᠢ). Налево от нее возвышается высокая и красивая гора, на которой вследствие этого и поставили кумирню Гуань-инь (= Хонгшим-бодисатвы, Авалокитешвары). Ныне соорудив кумирню и поставив лепной кумир, все в прекрасном и изящном виде..... и ближние, и дальние устремились наперерыв, сплошными массами..... высок. Сказал..... лошадь. .... влияние..... никогда не будет эпидемии и успокоитесь. Тогда они отвечали: мы искони веков не слышали ничего подобного..... двор..... народа.... верховная заря не приходит..... мы сыновья сыновей и внуки внуков обещаем быть в вечной покорности. Из этого явствует, что всем обитающим за пределами

10 000 стран (подвластных Китаю) трудно не знать голода и холода, быть веселыми..... Хотя Яо и Шунь управляли..... однако это было лишь в пределах девяти провинций, а ныне нам..... восток.... Мани, Северные варвары, Жуны и Ди, без какой-либо угрозы оружием, начали являться с данью ко двору. Внутри..... явилось спокойствие. Все, покрываемое небом, поддерживаемое землею, освещаемое солнцем и луною, все, на что падает роса и иней, все одушевленное является покорным и любящим..... Минской (династии годов правления) Юн-ло 11-е лето, 9-й луны.... число [Позднеев 1908: 71–74].

Отметив предварительный и предположительный характер своего перевода, А. М. Позднеев высказался за необходимость «нового и лучшего» снимка памятника, который дал бы возможность разобрать его текст «более основательно» [Там же: 75]. Автор привел наблюдения и над языком монгольской надписи, сделав вывод о том, что

способность его выражать конфуцианские идеи показывает, до какой степени высоты обработали уже китайцы в ту пору дышавший простотою язык монгольских номадов [Там же].

Этими наблюдениями анализ монгольского текста Тырской стелы 1413 г. в монографии А. М. Позднеева фактически исчерпывается.

Мы имели бы полное право признать перевод А. М. Позднеева первым переводом монгольского текста на русский язык, если бы не одно важное обстоятельство, которое теперь, через столетие после выхода в свет труда Позднеева, представляется совершенно очевидным. Это обстоятельство заключается в следующем: как ни парадоксально, перевод А. М. Позднеева, за исключением нескольких отдельных фраз, не имеет никакого отношения к монгольскому тексту стелы 1413 г. Насколько можно судить об этом тексте (см. ниже, Гл. 2), он гораздо более прост по своей структуре и стилистике и не содержит практически никаких намеков на «способность выражать конфуцианские идеи», о которой писал А. М. Позднеев. Содержательные различия между монгольским текстом и мнимым «переводом» А. М. Позднеева настолько существенны, что трудно отрицать отсутствие непосредственной связи между ними, которое не может объяснить даже плохое (по характеристике автора) качество фотографии М. Г. Шевелева⁸. В таком случае, что же на самом деле представляет собой «предположительно составленный» перевод А. М. Позднеева? Ответ на этот вопрос не вызывает особых затруднений: это действительно перевод одного из текстов Тырской стелы 1413 г., только не монгольского, а... китайского. Чтобы сделать такой вывод, достаточно сравнить позднеевский перевод с одним из имеющихся переводов китайского текста памятника, например, с переводом П. С. Попова [Попов 1904а] или Г. В. Мелихова [Мелихов 1970: 272–273]. По сути дела, А. М. Позднеев перевел и опубликовал большую часть китайского текста памятника (строки 2–18), несколько «разбавив» его отдельными словами и фразами, взятыми им из монгольской надписи. Причины столь странной подмены нам неясны; по-видимому, они связаны с невозможностью или крайней сложностью дешифровки

монгольского текста по фотографии, присланной М. Г. Шевелевым, что побудило А. М. Позднеева отказаться от работы с монгольским текстом и выполнить вместо нее перевод лучше сохранившегося и легче читаемого китайского. По крайней мере, научная объективность заставляет оценивать работу А. М. Позднеева не как первый русский перевод монгольского текста стелы 1413 г., а как один из первых (наряду с переводом П. С. Попова) переводов китайского текста данного памятника.

Начиная с 20–30-х гг. XX в. центр исследования Тырских памятников перемещается в Японию и Китай. Так, к первой трети XX в. относятся связанные с Тырскими стелами работы японского синолога Найтō Торадзирō. В одной из них он на основе нескольких фотографий и эстампажей текстов стел, в том числе и оригиналов эстампажей Цао Тинцзе, смог восстановить бōльшую часть китайских текстов, включая фрагменты, опущенные в других изданиях из-за неясности или неразборчивости [Найтō Торадзирō 1929]. Дополненные вновь выявленными знаками китайский и чжурчжэньский тексты стел были помещены в собрания материалов по эпиграфике Маньчжурии, составленные Ло Фуи [1937a] и Сонодой Кадзуки [1936]. Ло Фуи также было опубликовано и отдельное исследование по Тырским стелам [Ло Фуи 1937б].

Первым ученым, попытавшимся дешифровать чжурчжэньский текст стелы, был Ло Фучэн [1937]. Он смог прочесть и истолковать около половины знаков текста. В 1943 г. Амма Яитирō опубликовал этот текст на основе изучения эстампажей, привезенных в Японию Найтō Торадзирō (предположительно, эстампажей, сделанных Цао Тинцзе) [Амма Яитирō 1943].

В послевоенное время изучавший чжурчжэньский язык и письменность Осада Нацуки опубликовал подробное исследование монгольской и чжурчжэньской надписей Тырской стелы [O1]. Он тщательно проанализировал монгольскую и чжурчжэньскую версии текста и предложил чтения и значения всюду, где это только было возможно. Осада смог расшифровать значительную часть текста. В 2001 г. работа Осады была переиздана с рядом незначительных изменений и дополнений [O2].

Тем временем венгерский ученый, крупный специалист по алтайским языкам Л. Лигети возродил чжурчжэньские исследования в Европе. Он провел детальный анализ чжурчжэньской версии буддийской мантры на первой Тырской стеле [Ligeti 1961b]. Л. Лигети принадлежит и первый в европейской науке вариант транскрипции монгольской надписи на стеле, который был опубликован в составленном им сборнике памятников монгольского языка доклассического периода [LT].

В 1970 г. в СССР новый неполный перевод на русский язык китайского текста стелы «О строительстве храма Юннинсы» был опубликован Г. В. Мелиховым. В этом случае текст был сделан с эстампажа, присланного Э. В. Шавкуновым [Мелихов 1970: 272–273].

В Китае Чжун Миньянь в 1974 г. представил новый вариант прочтения китайских текстов Тырских стел [Чжун Миньянь 1974]. В следующем году вышла его совместная с Насэньбо и Цзинь Цицунем статья,

представляющая собой общее исследование китайской, монгольской и чжурчжэньской версий текстов обоих памятников, основанное на трудах предшественников и вносящее много нового. Сами авторы отмечают, что в китайских текстах они смогли восстановить 50 знаков в первой стеле и 20 во второй. В результате, в тексте первой стелы им не удалось прочитать лишь 40 знаков, а во второй — 19. Существенные дополнения и исправления сделаны ими и в расшифровке монгольского и чжурчжэньского текстов первой стелы [КМ].

В 1983 г. китайский исследователь Ян Ян опубликовал новую, пересмотренную версию китайских текстов обеих стел. Эта версия основана на фотографиях оригинальных эстампажей, хранившихся у выдающегося историка Северо-Восточного Китая Цзинь Юйфу, фотографиях и записях, опубликованных Найтō Торадзирō и Сонодой Кадзуки, исследованиях Ло Фуи и самых последних работах Чжун Миньяня, На Сэньбо и Цзинь Цицуна [Ян Ян 1983].

Также следует отметить работу Хуан Чжэньхуа, посвященную чжурчжэньскому тексту Тырской стелы. Автор обрисовывает исторический фон открытия и дешифровки стелы, дает детальный анализ 362 слов ее чжурчжэньского текста. Работа основана на последних трудах японских и китайских ученых [Хуан Чжэньхуа 1982].

Буквально накануне сдачи настоящей монографии в печать мы смогли ознакомиться с вышедшей в ноябре 2009 г. в Японии книгой исследовательницы маньчжурского происхождения Айсинь Гиоро Улхичунь «Чжурчжэни эпохи Мин: от словаря „Нюйчжэнь иуй“ до стелы „Юннинсы цзи бэй“», в которой проблематика Тырской трилингвы рассматривается на широком историко-культурном фоне [Айсинь Гиоро Улхичунь 2009]. Первая глава книги посвящена истории, культуре, внешним связям и хозяйству чжурчжэней юаньского и минского времени. Во второй главе всесторонне анализируется словарь 女真譯語 *Нюйчжэнь иуй*. Третья глава посвящена Тырской стеле 1413 г. В ней дается история исследования памятника, восстанавливаются его чжурчжэньский и монгольский тексты. Айсинь Гиоро Улхичунь проводит построчное сравнение чжурчжэньского, монгольского и соответствующих мест китайского текстов стелы, приходя к выводу, что монгольская и чжурчжэньская версии текста являются более сокращенными, чем китайская, и что все они восходят к одному исходному тексту. Автор считает, что чжурчжэньский текст написан «большим» чжурчжэньским письмом, а язык чжурчжэньского текста стелы был диалектом, на котором говорил написавший его ляодунский чжурчжэнь Кан Ань. Этот диалект являлся более поздним, чем язык словаря *Нюйчжэнь иуй*, и особенно отличался от диалекта чжурчжэней Хайси. В связи с ограниченностью во времени мы не имели возможности детально изучить и по достоинству оценить эту книгу; анализ изложенных в ней результатов в сравнении с выводами настоящего исследования мы оставляем на будущее.

Что касается исследования археологических памятников в районе Тырского утеса, важным моментом здесь стало более детальное